

Память сердца

Балерина из воздуха и музыки

Фирдаус Нафикова – народная артистка России, лауреат Государственной премии Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева. В нынешнем году она могла бы отметить 77-й день рождения, но семь лет назад её не стало...

Судьба и талант сделали ее башкирской прима-балериной. Танец Фирдаус и ее яркая личность незабываемы, она долго будет жить в памяти театралов и всех, кто знал ее, а в истории культуры Башкортостана ее страница одна из самых выразительных.

«Фирдаус потрясает зал»... Так нередко назывались рецензии на спектакли с участием балерины Нафиковой. И неважно, где шел этот спектакль – в родном театре, в гастрольном провинциальном российском городе или на сцене Кремлевского Дворца съездов. Это мог быть и не спектакль вовсе, а концертный номер, например башкирский танец, который она исполняла с особым вкусом, блеском и проникновением, да еще сопровождая собственным великолепным пением. Ее артистизм, темперамент, обаяние покоряли всех и всюду.

Мы жили по соседству...

В те времена мы еще не называли хороших актеров, танцовщиков, певцов звездами. Это сейчас довольно щедро раздаем эпитеты... Хотя в башкирском балете артисты звездного таланта были с самого начала: Зайтуна Насретдинова, Халяф Сафиуллин, Гузель Сулейманова, Тамара Худайбердина, Нинель Юлтыева, Фарит Юсупов, Майя Тагирова... В конце 50-х в труппу пришла еще одна выпускница Ленинградского хореографического училища – Фирдаус Нафикова.

Я впервые увидела балерину в балете Б.Асафьева «Бахчисарайский фонтан» – и запомнила ее имя. Зарема-Нафикова потрясла. Молодость, красота, безудержный темперамент, техника танца – именно ленинградская школа, богатая актерская палитра. Все было так гармонично, экспрессивно, художественно целостно и сильно... А ведь я после учебы в Ленинграде, спектаклей Кировского театра тосковала по своему любимому искусству и не предполагала в далекой Уфе встретить нечто подобное. Так начался мой пожизненный роман с башкирским балетом.

Через несколько лет мы стали с Фирдаус Нафиковой соседями по лестничной клетке, жили бок о бок, буквально через стенку, целых тринадцать лет. Она и в жизни, в быту была яркой, неповторимой, многогранной, взбалмошной, веселой, в то же время – удивительно доброй и справедливой.

Мои дети и ее сын Тагир росли вместе. Фирдаус брала с собой в театр, на репетиции, мою дочку, и в третьем классе в каком-то мини-сочинении Леночка написала: «Хочу стать балериной, как тетя Фирдаус». Мы встречали вместе Новый год, и однажды я познакомилась у нее с Майей Тагировой, Ильдусом Хабировым. Тогда я впервые услышала историю Рудольфа Нуреева. Говорили вполголоса, ведь он был «врагом народа». Что это значит, Фирдаус знала не понаслышке...

Она для страсти рождена...

По-настоящему Фирдаус Нафикова родилась как балерина в «Бахчисарайском фонтане». Царственный выход Заремы... Взоры зрителей обращены к ней и только к ней. Любимица хана идет по гарему. Грация, свойственная восточной женщине, гордая осанка... Повелительница! Но появляется Гирей, и она – рабыня. Опущенные плечи, поворот головы, покорный взгляд – мгновенное преображение. А сколько страсти в танцевальном

монологе у ног Гирея! Мольба о былой любви, ревность, готовность любой ценой отстоять счастье. Зарема – Нафикова не останавливается перед убийством Марии, хотя понимает, что это несет гибель ей самой. Создавая сильную, цельную в своем чувстве натуру, артистка использует и пластику, и мимику, и даже пантомиму.

Это была первая ведущая партия балерины.

Откуда такой яркий драматический дар? От природы? Безусловно! Но и от самой жизни. Истрадавшаяся душа больше знает, больше понимает, тоньше чувствует. А Фирдаус еще в раннем детстве испила полную чашу страдания.

Отец ее – Мухаметвалей Нафиков – служил в НКВД. Но честные, порядочные люди, не желающие быть послушными винтиками чудовищной машины, были не нужны. В 1942 году его приговорили к десяти годам ссылки, где он через полтора года погибает от туберкулеза. Мать, учительница младших классов, остается с пятью детьми. Через три года и она умирает от пневмонии. Поначалу старшая Марьям пытается сама кормить и воспитывать младших. Но... В конце концов всех разбросало. Самые маленькие – Зифа и Фирдаус – оказались в детском доме с клеймом «дети врага народа».

Отца реабилитировали в 1956 году, когда Фирдаус Нафикова уже окончила Ленинградское хореографическое училище.

Языком танца

... В детский дом приехала комиссия для отбора способных к балету ребяташек. На Фирдаус никто и внимания не обратил – слишком худая, маленькая, слабая... Но однажды Варвара Павловна Мей, возглавляющая комиссию, увидела ее в коридоре плачущей: «Что с тобой, девочка?» А та, не в силах вымолвить слово, только показала пальцем на стену с черным репродуктором: звучала музыка Чайковского. «Я ее беру!» – твердо сказала Варвара Павловна, и Фирдаус оказалась в Ленинграде, на самой прекрасной на свете улице Зодчего Росси..

Она говорила на башкирском языке, в столовой по-мусульмански молилась. Над ней посмеивались. Но лишь на первых порах. Потом она фанатично увлеклась танцем, по классике получала пятерки. У нее обнаружили способности к фортепиано, и вообще девочка оказалась чрезвычайно музыкальной.

На выпускном вечере, который по традиции проходил на сцене Кировского театра, Фирдаус исполнила номера из «Лебединого озера» и «Шопенианы».

На сцене, учили их, балерина должна быть возвышенной и прекрасной, будто соткана из воздуха и музыки. С этим кредо она и прожила свою сценическую жизнь.

Рамки и штампы – не для Фирдаус!

Начинала с небольших сольных выходов. Ее пестовали Зайтуна Насретдинова и Халяф Сафиуллин. Так постепенно Нафикова пришла к Зареме. Вскоре ей доверили главную, можно сказать, партию классического репертуара – «лебединую». Исполнение партии Одетты-Одиллии считается свидетельством зрелости и мастерства танцовщицы.

Нафиковой было тесно в лирических партиях, темперамент вырывался, экспрессия захлестывала. Поэтому ее Одетта была нетрадиционной. Не безропотной, а сильной духом, не теряющей надежды на освобождение от страданий. Зато в партии Одиллии артистка давала волю своей страстной натуре. Сама себе задавала и выдерживала бешеный ритм вращений, прыжков. Вот она в черной пачке – стремительная, властная и столь обольстительная, что никого, кажется, не удивляло, что Зигфрид забывает клятву, данную Одетте.

Один из самых дорогих сердцу – балет Людвиг Минкуса «Дон Кихот». Озорная, взбалмошная Китри была понятна, а насыщенность танца большими прыжками, сложными пируэтами требовала виртуозности исполнения, и это вдохновляло.

В 1975 году на гастроли в Уфу приехал солист Большого театра Леонид Козлов. Перед спектаклем «Дон Кихот» его партнерша Елена Рябинкина заболела, и ее заменила Нафикова. Козлов был в восторге от новой партнерши, после спектакля все повторял: «Какая она легкая!».

Через полгода Фирдаус получила телеграмму из Москвы – приглашали выступить в «Дон Кихоте» с труппой Большого театра на сцене Кремлевского Дворца съездов. Нафикова была уже народной артисткой РСФСР, но пришла в такую панику, что от страха просто рыдала. Если бы не настойчивость и моральная поддержка мужа Салавата Хабибуллина (ее ангела-хранителя в течение четырех десятилетий), она не решилась бы поехать. И многое потеряла бы, потому что газеты восторженно писали: «Москвичи аплодируют башкирской балерине».

После спектакля Александр Михайлович Плисецкий, поставивший незадолго до этого в Уфе «Кармен-сюиту», представил Фирдаус своей знаменитой сестре: «Это башкирская Карменсита!» Майя Михайловна в чем-то помогла, в целом одоблив работу балерины и в техническом плане, и – особенно! – в артистическом.

Если говорить о своеобразной визитной карточке балерины, то это, безусловно, ее Кармен в балете «Кармен-сюита» Бизе-Щедрина. Уфимцы увидели его в 1974 году. Эта постановка была своеобразным семейным подрядом великой фамилии: балетмейстер – Александр Плисецкий, который перенес на уфимскую сцену причудливую, необычную хореографию Альберто Алонсо, художник – Борис Мессерер. Роль Хозе в шести уфимских спектаклях исполнил Азарий Плисецкий. Он первым станцевал эту партию в Национальном балете Кубы с самой Алисией Алонсо. Но башкирская Кармен его пленила, он с благодарностью говорил в газетных интервью о Нафиковой как великолепной партнерше и замечательной артистке. В роли Кармен во всем блеске проявилось незаурядное дарование Фирдаус. Она потрясала публику взрывным темпераментом, драматической глубиной образа, изумительно передавала своеобразие хореографической пластики.

Испанская тема так увлекла труппу, что в следующем году на одном дыхании был поставлен балет «Испанские миниатюры» (балетмейстер Виана Гомес Фонсеа де Херардо), где тоже блистала Фирдаус Нафикова. Именно тогда (в 1977 году) к ее титулу – народная артистка РСФСР – прибавилось почетное: лауреат государственной премии имени Салавата Юлаева.

Мир, сотканный из танца и огня

Балерине всегда было интересно показать человеческую натуру во всем многообразии и богатстве. Такие возможности давали ей роли в национальных балетах. Прежде всего, это Галима в балете «Черноликые». Башкирская девушка восстает против законов шариата, борется за свою любовь и погибает. От нежного, глубокого лиризма Нафикова поднимается до высот подлинного трагизма. В хореографии она тонко и органично передала своеобразие сплава классического и национального танца. В этом же ряду – Зайтунгуль из «Журавлиной песни», одно из вдохновенных творений балерины.

Танцем Фирдаус Нафиковой восторгались любители балета Венгрии, Чехословакии, Гвинеи, Ганы, Индии, Японии... Она лауреат УП Всемирного фестиваля молодежи в Вене.

Нафикова добивалась технического совершенства, но верила, что на одной технике не продержишься, если нет понимания, во имя чего танцуешь. Она всегда знала, ради чего выходит на сцену: танец – ее страсть, для которой она рождена, чтобы дарить людям радость соприкосновения с прекрасным.

Свое представление об искусстве балета, свое мастерство, богатейший опыт классической танцовщицы она с любовью передавала своим ученикам в Башкирском хореографическом колледже имени Рудольфа Нуреева, где преподавала, после того, как оставила сцену.

В архиве балерины я нашла искренние поздравительные стихи от друзей про «дивный мир балета, где веет тайнами и счастьем алый парус, где грезит звездами и сферами Фирдаус». И поразила: как верно и тонко прочувствовано и дано определение! Да, это был ее мир – волшебный, романтический, сотканный из танца и огня, пронизанный светом ее неповторимости.

События и сам танец балерины так ярки, неувядаемы, что трудно представить: все это в прошлом, и ее самой уже нет на свете... Наше поколение воспитано в крепком атеистическом духе, тем не менее хочется верить, что есть некий параллельный мир, в котором нелегкая, неоднозначная жизнь этой незаурядной женщины вознаградится, ее мятежный дух обретет покой.

А может быть, она уже превратилась в яркую звезду и, пронзая холодное пространство теплым сиянием, согревает и лелеет в наших сердцах память о ней...